

МНОГО В ПОЛЕ ТРОПИНОК...

А.В. Корневский

Аннотация. Статья представляет собой введение к теме и дискуссии номера, посвященным русскому Средневековью, поискам хронологических и сущностных рубежей данной эпохи, ее осевых моментах и точках бифуркации, а также проблеме исследовательской оптики, инструментария и аналитического языка, позволяющих эти исторические развилки и повороты увидеть, описать и объяснить. Автор обосновывает выбор в качестве метафоры, проблематизирующей данную тему, заглавия книги А.А. Зимина «Витязь на распутье» и то, каким образом связана с тематикой номера предлагаемая дискуссия: «Русское Средневековье: lost in translation». Символическое значение имеет не только заглавие книги, посвященной одному из поворотных моментов истории средневековой Руси, но и то, что данный труд задумывался ученым как пролог к серии монографий «Россия на пороге Нового времени». Отнюдь не разделяя концепцию А.А. Зимина, изложенную в книге «Витязь на распутье», редакторы номера усматривают определенное созвучие стратегии нашего журнала и цикла трудов выдающегося историка. В то же время судьба книги, не принятой академическим сообществом, но стимулировавшей полемику об исторических альтернативах, позволяет перевести обсуждение этой проблематики в историографическую и методологическую плоскость — поразмышлять о том, что точки бифуркации могут быть не только в истории, но и в развитии знания о ней.

Ключевые слова: русское Средневековье, Древняя Русь, исторические развилки, альтернативные пути развития, точки бифуркации, осевые моменты, историческая терминология.

Корневский Андрей Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории средних веков и нового времени, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, koren@sfedu.ru.

LOTS OF PATHS IN THE FIELD...

A.V. Korenevskiy

Abstract. The article is the introduction to the main theme and discussion of the issue dedicated to the Russian Middle Ages, the search for chronological and essential boundaries of this era, its pivotal moments and bifurcation points, as well as the problem of research optics, tools and analytical language that allow to see, describe and explain these historical “crossroads” and “turns”. The author vindicates the choice of the title of Alexander Zimin’s book *Warrior at the Crossroads* as a metaphor problematizing this topic and explains how the topic of discussion *Russian Middle Ages: lost in translation* is related to the main theme of the issue. There is a symbolic meaning not only in the title of the book dedicated to one of the turning points in the history of medieval Russia, but also in the fact that this work was conceived by the scholar as a prologue to the series of monographs entitled *Russia on the Threshold of the Modern Era*. Although the editors of this issue are far from sharing Zimin’s conception, reflected in the *Warrior at the Crossroads*, they trace a certain assonance between the strategy of our journal and the cycle of works of the outstanding historian. At the same time, the fate of this book, which was not accepted by the academic community, but stimulated the debate about historical alternatives, allows us to shift the discussion of this issue into a historiographic and methodological plane – to reflect on the fact that bifurcation points can be not only in history, but also in the development of knowledge about it.

Keywords: Russian Medieval Ages, Ancient (Old) Rus’, historical road forks, alternative paths of development, bifurcation points, pivotal moments, historical terminology.

Korenevskiy Andrey V., Candidate of Science (History), Associate Professor, the Head of Department of Russian Medieval and Modern History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, koren@sfnu.ru.

...ТОЛЬКО ПРАВДА – ОДНА?

Читатели, «кому за...», без труда узнают строки из песни на стихи Роберта Рождественского, вынесенные в заглавие статьи. Столь же нетрудно всем, кто некогда принадлежал к «самому читающему между строк» советскому населению, догадаться, какую правду – уникальную и неповторимую – имел в виду автор: ту самую, что возвещало всему прогрессивному человечеству учение, которое «всесильно, потому что верно» [Ленин, 1973, с. 43]. Время расставило все по своим местам. Стало ясно, что учение сие не так уж и верно, тем паче – не всесильно. Более того, выяснилось, что и правд может быть никак не меньше, чем степных тропок, и даже путь в неверном направлении порою оказывается бесполезен. Ошибочность гипотезы не означает, что сама постановка проблемы неправомерна, а ход мысли – ложен. Все сказанное имеет прямое отношение к судьбе книги, заглавие которой подсказало нам тему номера.

Автору монографии «Витязь на распутье» о Московской междоусобной войне второй четверти XV в., выдающемуся отечественному историку прошлого столетия Александру Александровичу Зимину было не привыкать идти против течения. В 1964 г. он вступил в острую полемику с корифеями советской науки о происхождении «Слова о полку Игореве», поставив под сомнение его подлинность. И дело вовсе не в том, кто на самом деле был прав в этом споре. В конце концов, далеко не все доводы А.А. Зимина могут быть признаны безупречными, хотя некоторые из них до сих пор так и не опровергнуты. Важно другое: во-первых, мотивацию его оппонентов трудно признать исключительно научной, а полемические приемы явно выходили за рамки академической этики; во-вторых, текстологические построения А.А. Зимина, при всей их неоднозначности, наглядно продемонстрировали, что в вопросе о происхождении «Слова» далеко не все так очевидно, как это было представлено в трудах «мэтров». Как писал впоследствии В.Л. Янин, «я был уверен, что демарш Зимина понудит исследователей более внимательно изучить замечательный памятник русского Средневековья. Так и оказалось в дальнейшем» [Янин, 2006/2007, с. 32].

Обстоятельства, побудившие А.А. Зимина к написанию книги «Витязь на распутье», равно как и ее последующая судьба, в чем-то сходны с вышеназванным казусом. Как и в случае с вопросом подлинности «Слова о полку Игореве», А.А. Зимин выступал против претензий «генералов от истории» на обладание истиной в последней инстанции, бесцеремонного навязывания ученым «единственно верной» догматизированной концепции, удовлетворяющей идеологическим и политическим предпочтениям властной элиты.

Тема междоусобицы второй четверти XV в. являлась одним из ключевых элементов концепции «прогрессивного» объединения русских земель вокруг Москвы, имевшей в советской историографии статус непреложной истины. Согласно «официальной» точке зрения, война эта, именовавшаяся «феодальной», была закономерна и неизбежна, поскольку «путь политического развития Руси, также, как и

ряда стран Западной Европы, вел от системы феодальных княжеств к централизованной монархии» [Черепнин, 1960, с. 743]. «Феодальная война», — утверждали авторы этой концепции, — велась между «поборниками строя политической раздробленности» и «великокняжеской властью, опиравшейся на дворянство и горожан» [Черепнин, 1957, с. 784]; она «явилась решительным столкновением представителей объединительно-централизаторской и сепаратистско-удельной тенденций в русском господствующем классе» [Назаров, 1974, с. 44]. Отмечая удивительную живучесть этой схемы, авторы послесловия к книге А. А. Зимина справедливо указывают на то, что она более чем сомнительна не только в научном, но и в моральном отношении: «“Прогрессивность” самодержавного государства по-прежнему утверждалась и утверждается не только как историческая закономерность, но и как некая положительность, абсолютное благо для страны. Москва оказывается извечно “прогрессивнее” Твери или Новгорода, Василий II — “прогрессивнее” своих соперников — галицких князей, Иван Грозный — “прогрессивнее” всех тех, кого карал и уничтожал» [Кобрин, Лурье, Хорошкевич, 1991, с. 215]. Для А. А. Зимина такой догматизм и нравственный релятивизм были абсолютно неприемлемы. Конечно же, в стремлении реабилитировать политических противников Василия Темного Зимину порой тоже изменяло чувство меры: все-таки поступки галицких князей, которых автор неоднократно называет «блистательными» [Зимин, 1991, с. 195, 202], далеко не всегда являли собою пример политической мудрости и высокой нравственности, а ключевой тезис книги — о Галиче как «предбуржуазной альтернативе» крепостнической Москве — трудно назвать даже правдоподобной гипотезой.

Тем не менее, ценность книги заключается в том, что она открывает совершенно иную перспективу, показывая историю в ее незавершенности. Русь в труде Зимина предстает ареной противоборства самых разных сил, в котором будущая победа Москвы отнюдь не была predetermined. Автор последовательно и скрупулезно препарирует источники, деконструируя укоренившиеся мифы о якобы имевшихся решающих преимуществах будущей столицы России перед ее соперниками. У русского витязя была не одна только — московская — столбовая дороженька. И в этом, как верно заметил В. Н. Козляков, состоит главное достижение А. А. Зимина: «Теперь уже не приходится говорить об однолинейности объединительного процесса, а, скорее, думать, почему Русь в XV в. да и далее обреченно упускала одну за другой возможности свернуть с дороги крепостничества, воспрепятствовать распространению московских порядков на земли, сохранявшие своеобразные формы территориального самоуправления и свою сословную иерархию» [Козляков, 1991, с. 198].

Примечательно, что «Витязь на распутье», будучи последней книгой, написанной А. А. Зиминим, хронологически предшествовал остальным пяти его монографиям, создававшимся на протяжении двадцати лет и охватывавшим полутора-два столетия русской средневековой истории. В этом смысле «Витязь на распутье» может рассматриваться в качестве ключевой метафоры всего цикла

книг А.А. Зимина, в которых, как сам он писал в предисловии, «синтезируются его представления о ходе русского исторического процесса примерно с 1425 по 1598 г.» [Зимин, 1991, с. 5]. Более того, этот образ символизирует и те коллизии русской средневековой истории, которые остались за рамками серии монографий А.А. Зимина. К каким бы событиям и поворотным моментам той эпохи мы не обратились, ни одно из них не трактуется сегодня в категориях «однолинейности» и жесткого детерминизма. Современные историки не склонны видеть какой-либо предопределенности ни в становлении государственности восточных славян, ни в христианизации Руси, ни в последующем ее социально-политическом и культурном развитии.

Выстраивая проблематику тематического блока нашего журнала, мы старались следовать хронологическим вехам, обозначенным в серии монографий А.А. Зимина, по возможности смещая фокусные точки, дабы – вновь прибегнем к «дорожной» метафоре – уйти с наезженной историографической колеи. Рубрику открывает статья А.В. Мартынюка, посвященная западным итинерариям о Восточной Европе XV в. Такой выбор редакции определялся несколькими мотивами. Прежде всего, эта статья, будучи посвящена тому же «темному веку», что и монография А.А. Зимина, открывает иную пространственную и культурно-историческую перспективу того времени, безусловно ставшего переломным в развитии Руси и сопредельных стран.

В «Витязе на распутье» в качестве альтернативы политическому объединению русских земель вокруг Москвы подробно рассматривается Галич и лишь упоминаются Новгород и Тверь. Само по себе это содержит в себе определенный искажающий эффект, поскольку оба эти центра, в особенности – Тверь, отнюдь не были всего лишь декорациями в московской драме. Достаточно вспомнить, что решающую роль в победе Василия Темного сыграла военная помощь Бориса Александровича Тверского, причем в тот самый момент, когда московский князь, преданный и униженный, лишенный не только престола, но и зрения, достиг предела своего ничтожества. Поэтому, размышляя о «развилках» и «распутьях», вполне правомерно задать вопрос: стала бы московская дорога столбовой, если бы тверской князь принял иное решение? С другой стороны, не только Тверь была реальным конкурентом Москвы в борьбе за общерусскую гегемонию: ее стратегические партнеры – правители Литвы, а точнее, «Великого князьства Литовского, Руского, Жомойтского» [Статут..., 1960, с. 31], как официально именовалось это государство, также претендовали, и порой небезуспешно, на «киевское наследство». И политическая история данной страны с ее преимущественно восточнославянским православным населением – это, как заметил И.Н. Данилевский в ходе дискуссии об исторических альтернативах и контрфактическом моделировании, *реальная*, а не *моделируемая* альтернатива Московской Руси, «история реализации принципиально иной социокультурной модели развития потомков восточных славян» [Данилевский, 2000, с. 39]. В этом плане материал, представленный в статье А.В. Мартынюка, интересен как *внешний* взгляд на Русь в целом – не столько в

политических ее границах (в которых она уже давно не была единой), сколько в географических и социокультурных.

При этом в статье с неожиданной стороны открывается тема нашего номера. Его ключевая метафора — выбор пути — возвращается к своему буквальному значению: какие дороги выбирали странники, путешествовавшие по Руси XV столетия, и чем был обусловлен их выбор? Как пишет автор, предмет его рассмотрения — «путешествия по Восточной Европе, с акцентом на упоминаемые в описаниях этих путешествий городские центры. Такой обзор должен помочь нам выявить “реперные точки” маршрутов, т.е. точки, на которых основывалась шкала измерений проделанного пути и которые структурировали географическое и политическое пространство Восточной Европы для человека XV века». Но эти же «реперные точки» маршрутов потому и были приметны путешественнику, что именно они на тот момент и были *реальными точками роста* — теми политическими и экономическими центрами, в которых современнику угадывалась перспектива развития.

Иными словами, мы глазами внешних наблюдателей того времени можем увидеть «будущее в прошедшем». А ведь это — одна из острейших методологических проблем исторического знания. С одной стороны, мы зачастую додумываем историческую альтернативу там, где ее не было, а с другой — не замечаем реального выбора, перед которым в тот или иной момент оказывались люди изучаемого нами прошлого. И происходит это именно потому, что в отличие от предков мы знаем, «чем дело кончилось». Более того, в этом мы видим свое бесспорное преимущество перед ними, дающее право выносить им вердикты. Но, как писал Альберт Поллард (Albert F. Pollard), «можем ли мы быть честны по отношению к людям прошлого, зная то, чего они не могли знать? Можем ли мы вообще их понять — их действия или бездействие, их надежды и страхи, усилия и неудачи, — когда наше сознание обременено знанием результата?» [Pollard, 1920, p. 29].

Объясняя свой выбор в пользу «темного» XV столетия, А.В. Мартынюк отмечает, что этому веку в историографии уделялось внимания куда меньше, чем последующему. И это совершенно справедливо: XVI в. всегда завораживал историков эпическими по масштабу борениями гения и злодейства. Не случайно и А.А. Зимин начинал свою сагу о русском Средневековье с монографий о реформах Избранной рады и опричнине. А потому, отдавая должное эпохальному значению этого века и, в то же время, не желая идти проторенной тропой (снова позволим себе «дорожную» метафору), мы сочли необходимым включить в наш тематический блок статьи, раскрывающие «большой XVI век» не с самых узнаваемых его сторон.

Исследование А.А. Андреева, Е.П. Писчурниковой и С.Е. Костикова посвящено персидскому вектору внешней политики Ивана Грозного, который на фоне поволжского и балтийского не просто затенен, но вообще едва различим в историографической перспективе. Особую ценность статье придает то, что внимание ее авторов сфокусировано на иранской историографии указанной проблемы, практически неизвестной в нашей стране. Предмет второй статьи, посвященной XVI столетию, на

первый взгляд вполне хрестоматиен: речь идет об одном из национальных «мест памяти», мнемонических точек, ее кристаллизующих — полемике Ивана Грозного и князя Андрея Курбского. Но хотя этот заочный спор самого мифологизированного тирана отечественной истории с первым русским диссидентом-невозвращенцем, как и положено настоящему месту памяти, оброс обширнейшей историографической традицией, автор статьи попытался найти здесь «свою колею». Н.А. Сайнаков предлагает взглянуть на эту полемику со стороны, на первый взгляд, вполне очевидной, но, как считает автор, обделенной должным вниманием историков. Аргументы сторон он рассматривает в контексте этического дискурса: с точки зрения автора, спор Ивана Грозного с Курбским может быть сведен к проблеме «присвоения морали» — имеют ли право подданные оценивать власть с нравственных позиций или сама власть является источником морали, а потому никому (кроме Бога, с которым у нее свои отношения) неподсудна.

Но автор не останавливается на анализе полемики царя с беглым князем, а предлагает перекинуть мостик в следующий век, сопоставив взгляды Курбского с воззрениями другого полемиста — Юрия Крижанича. Сразу оговоримся, что такое сравнение не кажется нам безусловно корректным как минимум по двум причинам. Во-первых, Крижанич — иностранец (хоть и славянин, и даже русофил), поэтому московские проблемы видятся ему из иной перспективы, нежели Курбскому. Во-вторых, вряд ли можно в данном случае называть его полемистом, поскольку диалога не получилось: в отличие от Курбского ученый хорват не был удостоен августейшей обратной связи (если не считать таковой тобольскую ссылку). Однако то, что проблематика «большого XVI века» пролонгируется автором в следующее столетие, совершенно естественно, поскольку нахождение грани между ними — не календарной, а сущностной — вот уже более двух веков не дает покоя историкам.

Вернемся к замыслу серии монографий А.А. Зимина о русском позднем Средневековье. Одна из книг этой эпопеи, посвященная первой трети XVI в., вышла в свет в 1972 г. под заглавием «Россия на пороге нового времени» [Зимин, 1972]. Однако сам автор предполагал назвать ее «Россия на подъеме», а указанное заглавие предназначалось для всей серии, в которой, как писал Зимин, он хотел «показать судьбы России и становление государственности в период, когда страна приближалась к Новому времени» [Зимин, 1991, с. 5]. Как видим, историк был достаточно осторожен в определении хронологического и сущностного рубежа, отделяющего русское Средневековье от раннего Нового времени. С одной стороны, в качестве финала эпопеи указан 1598 г. — год избрания на царство Бориса Годунова, что вполне согласуется с русской историографической традицией. Именно появление первого выборного царя считал переломным моментом русской истории В.О. Ключевский [Ключевский, 1957, с. 394]. От этой же даты традиционно отсчитывалась Смута, которая, по словам А.Е. Преснякова, стала рубежом между XVI и XVII вв. — «вырыла более глубокую пропасть между ними, чем петровские реформы между Петербургской и Московской Русью» [Пресняков, 1909, с. 294]. С другой стороны,

в представлении Зимина Россия к исходу XVI в. лишь «приближалась к Новому времени», но не вступала в него. Для сравнения, опять-таки, сошлемся на А.Е. Преснякова, который, называл эпоху «тишайшего» царя временем «последнего, предсмертного расцвета средневековой идеологии» [Пресняков, 1990, с. 432]. Таким образом, русские историки были склонны видеть в воцарении Бориса Годунова не столько конец русского Средневековья, сколько *начало конца*, растянувшееся на достаточно долгий срок. Но чего все-таки больше было в «бунташном веке» – нового или старого, «рождений» или «отмираний» [Кристенсен, 1989, с. 24]; был ли он предвестием петровской вестернизации или «тупиком Московского царства» [Флоровский, 1937, с. 58]? Вопрос не прояснен до сих пор, и нашей малой лептой в эту полемику является публикация статьи Л.В. Миниковой, завершающая тематический блок журнала.

Для обозначения диапазона историографических оценок XVII столетия автором выбраны прозвища этого века, данные двумя столпами отечественной исторической науки: патетическая соловьевская характеристика той эпохи как времени «богатырей» и эпатающе-уничижительное сравнение с «тараканом на спине» из дневников В.О. Ключевского. В самом деле, уже само количество «кличек» XVII века, несопоставимое ни с одним другим столетием, с очевидностью указывает на его особое место в отечественной истории. Помимо хрестоматийных – «бунташный век» или, по Ленину, «новый период», – можно вспомнить и такие его определения, как «предпетровский» или «предреформенный» [Буганов, 1989, с. 5], век обмирщения культуры и «открытия характера» [Державина, 1946, с. 30; Лихачев, 1970, с. 6–24]. Но есть и еще одно, не столь растиражированное прозвище XVII столетия, вбирающее в себя все его парадоксы и антиномии – его мощь и немощь, новаторство и ретроградство: «испуганным веком» назвал его протоиерей Георгий Флоровский [Флоровский, 1937, с. 58]. Если попытаться истолковать этот образ через другую метафору, то на ум приходит сказка Андерсена «Пастушка и трубочист». Русское общество, шагнув из Средневековья в Новое время, оказалось в ситуации, сходной с героями этой сказки, вырвавшимися из душной комнатки в простор необъятного мира. Трубочиста увиденное окрылило, а его спутницу привело в ужас: «Свет слишком велик!» [Андерсен, 1980, с. 236]. Разница в том, что герои сказки вернулись на подзеркальный столик, а Россия безвозвратно оставила Средневековье в прошлом. Хотя, как замечает Л.В. Миникова, полемика о правомерности сделанного выбора никогда не прекращалась, и даже в наши дни его необратимость ставится под сомнение.

ЧУЖАЯ СТРАНА

Артикулируя проблематику нашего тематического блока через метафору «витязя на распутье», мы исходили из того, что она применима не только к истории средневековой Руси, но и к людям, ее изучающим. Точки бифуркации обнаруживаются не только в прошлом, но и в развитии знания о нем, а ситуация выбора пути

заключается не только в определении приоритетных тем исследования, но и в применяемых при этом методах и приемах, подходах и инструментах, в языке, которым эта воссозданная реальность описывается и объясняется. На примере медиевистики, имеющей дело с более отдаленным прошлым, чем Новая и новейшая история, это видно особенно отчетливо.

Как заметил П.Ю. Уваров в биографическом очерке об А.Я. Гуревиче, «с конца тридцатых годов и до конца советского периода медиевисты среди прочих коллег пользовались репутацией профессиональной элиты, как сказали бы сейчас, “спецназа” советской исторической науки» [Уваров, 2007]. И дело здесь не только в удаленности предмета исследований от политической злобы дня. Именно эта временная дистанция, с одной стороны, предъявляет более строгие требования к методике исследования, а с другой — способствует особому историческому видению: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи».

Об этом «историческом чувстве» и применении к более поздним эпохам навыков, отработанных на средневековых источниках, писал Д.С. Лихачев в очерке о выдающемся историке, изучавшем и Средневековье, и Новое время, Борисе Александровиче Романове: «Б.А. был одним из первых историков, обратившихся к современной ему истории. Он отверг предубеждение старых историков против занятий “модернистскими” (как они их называли) темами и применил источниковедческий анализ, отточенный на древнерусском материале А.А. Шахматовым и А.Е. Пресняковым, к документам, на которых почти еще не просохли чернила» [Лихачев, 1958, с. 487]. Однако дистанция, отделяющая Средневековье как объект исследования от историка, не только дает преимущества, но и таит серьезные опасности.

«Прошлое — это чужая страна, здесь все по-другому», — эти слова Лесли Хартли (Leslie Poles Hartley) из его пьесы «Посредник» побудили Дэвида Лоуэнтала (David Lowenthal) к написанию монографии [Лоуэнталь, 2004], которая сегодня является настольной книгой многих историков. В настоящее время метафора «чужой страны» прочно вошла в наш профессиональный лексикон и размышления об историческом познании. Если же продолжить сравнение прошлого с заграницей, то из этого следует, что историки в коммуникации между «нашей» и «чужой» страной — «веком нынешним» и «веком минувшим» — играют роль переводчиков, причем требования к квалификации этих толмачей будут тем выше, чем дальше во времени и пространстве от нас находится «зарубежье». Ибо, как совершенно справедливо замечает автор данного концепта, «любые различия — во времени, в пространстве, в культуре, в точках зрения, — все это увеличивает разрыв между рассказчиком и аудиторией. И каждый язык накладывает свой отпечаток на то, каким образом его обладатель ощущает прошлое, отпечаток, который воздействует на понимание или изначальные свидетельства» [Лоуэнталь, 2004, с. 342].

Итак, чем дальше историческая реальность отстоит во времени и пространстве от «здесь и сейчас», тем больший ментальный барьер разделяет нас и население

«чужой страны». Но из этого как будто бы следует и обратное: в «ближнем зарубежье» потребность в переводчике должна быть не столь уж и остра. Хотя, с другой стороны, любой лингвист не понаслышке знает, сколь обманчиво сходство близкородственных языков, и как коварны бывают «ложные друзья переводчика». Но если говорить о соседстве темпоральном, а не пространственном, то уместно задать вопрос: где пролегает граница между «нашей страной» и зарубежьем, а кроме того – где это зарубежье превращается из «ближнего» в «дальнее»? И как это соотносится с такими хронологическими маркерами, как *Древность*, *Средневековье*, *Модерн*, а с другой стороны – насколько они универсальны? Положим, к отечественной истории они приложимы в полной мере или с оговорками? Где и когда современность превращается в прошлое, а то, в свою очередь, распадается на близкое, дальнее или вовсе «оваянное мифами»?

К примеру, XIX столетие – это еще «наша страна» или уже «чужая»? Мы твердо убеждены, что А. С. Пушкин и поныне – «наше всё», однако В. Набоков, Ю. М. Лотман и другие тонкие знатоки его творчества приложили немало сил, дабы показать, сколь часто мы обманываемся кажущейся простотой и ясностью пушкинских строк. Тем не менее, вряд ли кому-то придет в голову переводить «Евгения Онегина» на современный язык. Более того, согласно сохраняющейся и поныне издательской традиции, в оригинале публикуются тексты не только «золотого века русской культуры», но и двух предшествующих. В то же время произведения XVI столетия, не говоря уже о более ранних веках, издаются для «широких масс» только в переводе. Считается, что современный читатель без специального образования (исторического или филологического) способен понять в оригинале «Житие протопопа Аввакума», а вот послания Ивана Грозного ему без перевода уже не осилить.

Историки русского языка также указывают на рубежный характер XVII в., поскольку именно к этому времени «вырабатывается единое русское койне» [Иванов, 1990, с. 56]: язык приобретает относительно устойчивые формы, и в дальнейшем в нем «уже не было таких коренных переломов, смен одной эпохи другой, как это было раньше» [Иванов, 1990, с. 225].

Но коль скоро язык, согласно известному афоризму М. Хайдеггера, это «дом бытия» [Хайдеггер, 1993, с. 192], то, быть может, где-то здесь, между опричниной и Смутой, следует искать ту границу, за которой историческая реальность, становясь все менее понятной по мере удаления от современности, окончательно превращается в «чужую страну»? В пользу этого говорят исторические свидетельства о языковом сознании самих людей «бунташного века». Как отмечает Д. Буланин, именно в это время равно чужими стали восприниматься и язык церковной литературы более ранних эпох, и «мова» восточнославянского населения Речи Посполитой [Буланин, 1992, с. 4–6].

И все-таки, в русском историческом сознании – в явном противоречии с языковым – доминирует иной временной рубеж, воплощенный в титанической (а для

кого-то — демонической) фигуре Петра Великого. Собственно, уже сам «державный плотник», относившийся к московской старине с ненавистью, граничившей с безразличностью, приложил немало сил, чтобы привить это убеждение своим сподвижникам и подданным. А благодаря Н.М. Карамзину представление о Петровской эпохе как водоразделе русской истории и, соответственно, ее делении на «древнюю» (допетровскую) и «новую» (петербургскую, имперскую) стало одним из краеугольных камней как профессиональной историографии, так и общественно-исторического сознания. Это не ставилось под сомнение ни апологетами Петра, ни его критиками, начиная с самого Карамзина, не говоря уже о славянофилах, почвенниках и иных ревнителях «особого пути».

Концепт «Древней Руси», хронологически покрывающий всю историческую протяженность от зарождения государственности до Петровских преобразований, прочно прижился в отечественной историографии, а в филологических и культурологических работах он применяется в данном значении до сих пор. Тем не менее, научную совесть многих историков смущало отождествление понятий «древнерусский» и «допетровский», за которой слишком явно проступало карамзинское представление о первом императоре как демиурге русской истории («Он сквозь бурю и волны устремился к своей цели: достиг — и все изменилось!» [Карамзин, с. 31]). Уже С.М. Соловьев, словно полемизируя с первым русским историографом, настаивает на обусловленности петровских преобразований всем предшествующим историческим развитием: «Народ собрался в дорогу и ждал вождя» [Соловьев, 1989, с. 451].

Историки начала XX в. еще решительнее порывают с карамзинским наследием, подчеркивая «искусственность соединения в один исторический период XVI и XVII вв.» [Пресняков, 1909, с. 294]. Не случайно именно в это время начинает все чаще употребляться понятие «Средневековье», совершенно нетипичное для вокабулярия историков «государственной школы». А вслед за этим «пришельцем с Запада» в отечественной историографии стал обживаться и другой термин, связанный с ним тесными узами, — «феодализм», упоминание которого ранее, по словам Н.И. Кареева, считалось едва ли не «признаком исторической невоспитанности» [Кареев, 1910, с. 4].

Разумеется, такой межпоколенческий «языковой барьер» был отнюдь не случаен. Историки «государственной школы» попытались создать целостную систему терминов, не просто описывающих древнерусскую историю, но выражающих в своей совокупности идею ее уникальности и неповторимости. Тем не менее, уже в начале XX в. их понятийный аппарат казался архаичным, и новое поколение наперекор мэтрам, видевшим в допетровской Руси нечто совершенно ни с чем не сравнимое, попыталось сфокусировать внимание как раз на том, что роднит ее со средневековой Европой. Однако в результате историки оказались в положении путешественников, обнаруживших негодность имеющихся у них словарей и за неимением иных принужденных в общении с аборигенами выяснять значение каждого слова.

LOST IN TRANSLATION

Сегодня реабилитация понятия «феодализм» и обоснование его применимости к отечественной истории признается выдающимся достижением Н.П. Сильванского и его «творческим подвигом» [Шмидт, 1988, с. 598]. Но в то же время судьба этого термина наглядно демонстрирует несовершенство нашего аналитического языка. По справедливому замечанию В.Я. Петрухина, трудно отыскать другой концепт, «который, будучи принят в исторической науке, подвергался бы столь регулярному разбору с противоположными оценками его значения и значимости для русской средневековой истории» [Петрухин, 2006, с. 161]. С другой стороны, трудно не согласиться с суждением А.А. Горского обо всех этих спорах, что «отправной точкой в них служили не реалии общественного устройства, а дефиниции», тогда как «плодотворнее кажется противоположный путь – попытаться обобщить реалии, выявленные путем конкретных исследований, а затем договориться о дефинициях» [Горский, 2008, с. 25].

О понятии «Средневековье» и том, в какой мере оно применимо к отечественной истории высказываются реже, что, однако же, тоже не ведет к взаимопониманию, ибо вследствие такой «недообсужденности» эти словосочетания – «древняя Русь» и «русское Средневековье» – в нашей вокабулярии ведут себя подобно соседям в советской коммуналке. То между ними обнаруживается полное единение (сиречь – синонимичность), то начинается дележ жилплощади. Многие историки считают временной границей между «древней» и «средневековой» Русью распад государственного образования, традиционно именуемого «Киевской Русью». Впрочем, назвать хронологические рамки данного политического катаклизма – было ли это одномоментным событием или длительным процессом – оказывается делом очень непростым. Связывать ли этот эпохальный сдвиг с Любечским съездом, когда собравшиеся на нем в 1097 г. князья постановили, что «каждо да держить штчину свою» [ПСРЛ, т. 1, 1997, стб. 256–257], или считать правление Владимира Мономаха и Мстислава Великого (1113–1132) периодом временного восстановления единства страны? Либо, как полагал Г. Вернадский, история Киевской Руси завершается со смертью Ярополка Владимировича в 1139 г., в правление которого «и главенство Киева, и единство Руси были серьезно поколеблены, почти до полного разрушения» [Вернадский, 2015, с. 110]. В то же время Кристиан Раффеншпергер (Christian Raffensperger) считает последним правителем Киевской Руси Всеволода Ольговича – именно того князя, который в том же 1139 г. согнал с великокняжеского престола последнего Мономашича. Соответственно, «конец единства Руси» [Raffensperger, 2017, р. xvii] он датирует 1146 г. – годом смерти этого князя, после чего произошел окончательный «развал центральной власти» [Raffensperger, 2012, р. 4, 187].

Однако не меньший символизм можно найти и в других датах: 1157 г., когда Андреем Юрьевичем Боголюбским было положено начало возвышению Владимиро-Суздальского княжества, и 1169 г., когда им был организован поход на Киев, завершившийся взятием и разграблением «матери городов русских».

Последняя дата в том же смысле — как трагическая веха в истории Киевской Руси и фокусная точка в нарративах о ней — часто фигурирует в украинской и польской историографии [Грушевский, 1906, с. 84–85; Грушевський, 1954, с. 408, 472; Pelenski, 1998, р. 45–60]. Также это событие, наряду с монгольским завоеванием Киева в 1240 г., рассматривается как один из «двух смертельных ударов (coup de grâce) большому гиганту» [Pritsak, 1983, р. 5]. Нередко верхняя хронологическая граница между «Древностью» и «Средневековьем» поднимается еще выше — до окончательного установления ордынского господства над Русскими землями [Петрухин, 2005], либо это событие рассматривается как завершение длительного переходного периода — «долгого XII века» Древней Руси [Щавелев, 2012].

Однако дело не только в датах. Нередко ставится вопрос: можно ли вообще называть это государственное образование Киевской Русью, коль скоро само его население так свою родину никогда не называло? Более того, можно ли Киевскую Русь называть государством, если само это слово в значении политического термина, близкого по значению к современному, появилось никак не раньше XV в.?

Не больше ясности с этнонимами, политонимами, хоронимами и т. д., между которыми зачастую вообще не обнаруживаются сколь-нибудь различимые границы. Аутентичным самоопределением населения в эпоху русского Средневековья — без явного акцента на этнокультурную, политическую или религиозную принадлежность — было обобщающее слово «русь» («роусь», «рѹсь») по отношению к стране и народу в целом и «русин» — по отношению к отдельному человеку, а также производные от них прилагательные «руський» (роускыа / роусьскыа / рѹсскои / рѹсстїи). В связи с этим неизбежно возникает вопрос: корректно ли называть обитателей Древней (или «Киевской») Руси «русскими» (в соответствии с современной языковой нормой), «русичами» (лексема, встречающаяся только в «Слове о полку Игореве» и более нигде), «русинами» (что как будто ближе к аутентичному эндоэтнониму, но относится к единственному, а не множественному числу) или «рутенами» (производное от латинского эквивалента)? Авторы современных исторических нарративов решают эту проблему по-разному. Одни следуют устоявшейся традиции, другие используют написание «русь» и «руський», или даже настаивают на исключительности формы «роусь — роуський» (да еще и выделяя «оу» курсивом!). Более того, запрет на употребление удвоенного «с» «идеологически чутким» историкам мыслится едва ли не категорическим императивом: «Иначе незаметно (просто безответственно пользуясь языком) можно привыкнуть к необоснованной мысли о том, что что Рѹсь (Роусь) и Русь — одно и то же, роуський значит русский просто в силу созвучия и идентичного модернизированного написания» [Исторический курс, 2014, с. 296].

Слов нет, никто не против ответственного отношения к языку, а стремление к предельной аутентичности совершенно естественно для любого историка. Но, во-первых, этот лингво-исторический пуризм выглядит не очень убедительно рядом с рассуждениями в тех же сочинениях о «лестничном» (Sic!) порядке наследия [Исторический курс, 2014, с. 260, 352] или цитированием знаменитого девиза

Святослава: «Хочу на вас идти», вместо канонического «Иду на вы» [Исторический курс, 2014, с. 328]. Во-вторых, директивно вменяемое написание «роусь – роуський» на самом деле ничуть не более аутентично, чем иные варианты – через «ук» в виде диграфа (ou), редуцированной графемы (y) или лигатуры (ʒ), с одинарным или удвоенным «с», с «ерь» между двумя «с» (роусьскои, русьстии, рʒсьскыа) или после них (рʒссьской). К тому же все эти варианты никоим образом не отражают фонетики: данный звук, если когда-то в древности и был долгим или дифтонгом (что гипотетически допускают некоторые лингвисты [Селищев, 1951, с. 117; Колесов, 1980, с. 21–23]), то во времена Киевской Руси он вполне соответствовал фонеме, обозначаемой современной буквой «у». В-третьих, «крамольное» слово «русский» (разумеется, исключительно как прилагательное, но не в качестве собирательного этнонима – здесь вполне корректно использовать форму «русь») предпочтительно хотя бы потому, что оно согласуется с современной языковой нормой, поскольку удвоение «с» является результатом соединения корня «рус» и суффикса «ск», тогда как ни «руський», ни, тем паче, «роуський» ей категорически не соответствует. А творить насилие над языком никому не позволительно.

И наконец, последнее, из сказанного ранее вытекающее. Все-таки стоило бы вспомнить известное суждение Б. Кроче о разнице между историей и хроникой [Кроче, 1998, с. 9], М. Блока – о несходстве историка и антиквара [Блок, 1986, с. 27], Р. Дж. Коллингвуда – об истории как «прошлом, живущем в настоящем» [Коллингвуд, 1980, с. 132]. Историк вступает в диалог с прошлым, чтобы ответить на вопросы своего времени, но, если его естественное стремление к аутентичности превратится в снобизм антиквара, если он будет по своему произволу нарушать языковые конвенции, возможна ли тогда его коммуникация с современниками?

Иными словами, «анахроническая невразумительность» (если воспользоваться выражением Д. Лоуэнтала [Лоуэнталь, 2004, с. 342]) может быть следствием как нерелевантности нашего аналитического языка изучаемой эпохе, так и его конфликта с тем языком, на котором сегодня изъясняются реципиенты наследия этой эпохи. А если речь идет о *разных* современных языках, то и требования могут быть неодинаковыми. В случае Киевской Руси, разумеется, имеются в виду три восточнославянских народа, общим историческим истоком которых она является. Впрочем, только ли они имеют право исторического первородства по отношению к этому обширному культурному пространству, именуемому «Русью» – как ее не назови: «средневековой», «Древней» или «Киевской»? При ближайшем рассмотрении оказывается, что определить ее границы весьма затруднительно не только во времени, но и в пространстве.

Где заканчивается Русь и начинается Литва? Более того: где *заканчивается* «русин» и *начинается* «литвин»? Принимая в расчет нерасчленимость подобных понятий на этнокультурные, политические и конфессиональные компоненты, ответ можно дать лишь в каждом конкретном случае, учитывая всю совокупность факторов и обстоятельств. В средневековых источниках мы сплошь и рядом наблюдаем контаминацию терминов этнической и религиозной принадлежности применительно

к «руси». Народ может быть назван христианским или православным, тогда как вера, наоборот, русской, в связи с чем пространство Руси мыслилось средневековым книжникам существенно шире ее этнических границ. Так, например, тверской летописец склонен был причислять к «руси» даже греков: в статье, посвященной падению Константинополя в 1453 г. он заявляет, что «взять быль Царьградъ отъ царя Турскаго отъ салтанаа; а вѣры Рускыя не преставиль» и «Русь къ церкви ходять, а пѣнія слушаютъ, а крещение Руское» [ПСРЛ, т. 15, 1863, стб. 495]). А его новгородский коллега простирает до Балкан перечень «всѣм градом руским, далним и ближним» [ПСРЛ, т. 3, 2000, с. 475]. Попутно заметим, что упомянутый список включает и города, находившиеся под властью Литвы, т.е. эти земли тоже считались Русью. Да и с точки зрения самих литовских князей это было так, что и было отражено в официальном именовании данного государства. Но насколько различимы были границы между «русью» и «литвой» внутри этой державы, и совпадали ли они с этническими ареалами, если даже в начале XVI в., по свидетельству С. Герберштейна, в Вильно было «заметно больше храмов русского, чем римского обрядов» [Герберштейн, 2007, с. 124]? Считали ли себя прихожане этих церквей «литвой» или «русью»?

Еще труднее понять, где пролегает граница средневековой Руси на востоке и севере, где и когда заканчивается «русь» и начинается мурома, меря, чудь, воль, весь; как и когда «другой» становится «своим» или почти своим — иным, но не чужим. Можно ли для описания данной ситуации использовать предложенный Ф. Дж. Тернером концепт фронта как динамической продвигающейся границы, «внешнего края волны» [Тернер, 2009, с. 14], постоянно смещающейся переходной зоны между «своим» и «чужим» мирами? Эту теорию не ругал только ленивый, да и выглядит она не вполне политкорректно, но есть ли сегодня в нашем арсенале иная объяснительная модель, более подходящая для описания процессов, протекавших на рубежах средневековой Руси?

Впрочем, подобные проблемы возникают не только с порубежьем — какой бы социальный процесс или феномен русского Средневековья мы не взяли описывать, всюду обнаруживаются изъяны нашего аналитического языка. Как уже было отмечено ранее, даже в отношении такого базового концепта медиевистики, как феодализм, среди ученых нет взаимопонимания. Яростные споры вызывает и то, в какой мере он применим к отечественной истории, и соотносимость с русскими реалиями всего того вокабулярия, посредством которого описываются феодальные отношения, институты и традиции.

Например, правомерно ли ставить знак равенства между «боярщиной» и сеньорией, «жалованием» и бенефицием или «челобитьем» и коммендацией, как это делал Н. П. Павлов-Сильванский [Павлов-Сильванский, с. 93, 288–289]? Можно ли трактовать отношения между князьями, боярами и дружинниками как вассально-ленные [Мининкова, 2007] или уподоблять клятву верности дружинника оммажу [Петрухин, 2006, с. 167]? С одной стороны, ни одно из этих понятий не встречается в русских средневековых источниках, но с другой стороны, если тверской или

нижегородский князя в «докончаниях» с Дмитрием Донским называют себя его «братьями младшими», должны ли мы использовать исключительно это аутентичное понятие или все-таки в праве признать, что речь в данном случае идет именно о вассалитете?

Можно задать и другой «наивный вопрос»: корректно ли называть эпоху, начавшуюся после распада Киевской державы, «феодальной раздробленностью» или, вслед за историками XIX в. именовать ее «удельным периодом»? Едва ли не со школьных лет мы привыкли считать эти понятия синонимами, и в любом справочном издании – от «Словаря русского языка» до «Советской исторической энциклопедии» – удел трактуется как «княжеское владение на Руси в XII–XVI вв., являвшееся частью великого княжества» [Словарь русского языка, 1988, с. 446], «государственное образование на Руси XII–XVI вв.», «доля члена княжеского рода в княжестве» [Советская историческая энциклопедия, 1973, стб. 655]. При этом утверждается, что «разделение на уделы было впервые узаконено на съезде князей в Любече в 1097 г.» [Советская историческая энциклопедия, 1973, стб. 655]. Но как с этим «общим местом» нашей историографии соотносится тот бесспорный факт, что первые уделы в точном смысле этого слова, т.е. «привилегированные владения» [Юрганов, 1996, с. 93] появляются в пределах Московского и Тверского великих княжеств лишь в XIV в. [Алексеев, 1987; Юрганов, 1988, с. 118–121; Мазуров, Никандров, 2008; Штыков, 2010; Штыков, 2013], да и само слово «удел» возникает не ранее XIV в. [Срезневский, 1912, стб. 1158–1159], и ни в Лаврентьевской, ни в Ипатьевской летописи оно не упоминается ни разу? С другой стороны, «изменения вещей далеко не всегда влекут за собой соответствующие изменения в их названиях» [Блок, 1986, с. 90], и то, что для обозначения государственных образований XIV в. в источниках применяется тот же термин, что и для Углицкого удела царевича Дмитрия, еще не гарантирует, что за два века правовой статус и политическое значение этих образований не претерпели значительной эволюции.

Подобные вопросы можно множить до бесконечности, однако стоит все-таки вернуться к упомянутому уже суждению А.А. Горского о том, что предпочтительнее «не замыкаться на терминологических спорах, а рассуждать о реалиях социального строя» [Горский, 2008, с. 26]. Предлагаемый подход представляется весьма перспективным в контексте обозначившегося в последнее десятилетие интереса к компаративным исследованиям средневековых институций и социальных явлений русского и западноевропейского Средневековья. В работах А.В. Назаренко [Назаренко, 2010; Назаренко, 2013], К. Раффеншпергера [Raffensperger, 2012; Raffensperger, 2017], В.Б. Перхавко [Перхавко, 2012], М. Исоахо [Isoaho, 2017], М. Волощука [Voloshcuk, 2018; Voloshcuk, 2019] показано, насколько интенсивны были политические и культурные контакты Руси и «латинской» Европы в X–XIV вв.; русско-скандинавские и русско-германские параллели являются предметом изысканий Б.Н. Флори, А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского [Флоря, 2012; Литвина, Успенский, 2010; Литвина, Успенский, 2011; Литвина, Успенский, 2015]; сопоставление вечевого строя Новгорода с коммунальным строем ганзейских городов

и Венеции предпринято П.В. Лукиным [Лукин, 2016; Лукин, 2018]. Тем не менее, отсутствие консенсуса в языке описания русского Средневековья существенно затрудняет дальнейшее развитие этого направления исследований. Пожалуй, следует согласиться с А.Л. Юргановым: «Отечественной науке еще предстоит выработать свою терминологию, которая наиболее адекватно отвечала бы потребностям познания и описания средневековой России» [Юрганов, 1996, с. 111]. Заметим лишь, что сказано это почти четверть века назад, однако существенного прогресса на данном направлении пока не заметно. Тем не менее, насущность такого обсуждения очевидна, поэтому мы считаем необходимым начать диалог о путях унификации языка описания русского Средневековья.

С этой целью мы публикуем в разделе «Теория и методология» статью И.Н. Данилевского, посвященную ревизии терминологического словаря истории средневековой Руси, а ее прямым продолжением является дискуссия, в которой приняли участие авторитетные отечественные и зарубежные медиевисты. Разумеется, мы отдаем отчет в том, что одной журнальной дискуссией вряд ли сдвинем дело с мертвой точки. И в этом смысле трудно не согласиться с мнением с И.Л. Андреева, выраженным посредством оксюморона «своевременная несвоевременность»: потребность в обсуждении и ревизии нашего понятийного аппарата вполне очевидна, но отнюдь не очевидна готовность к этому академического сообщества. Тем не менее, мы полагаем, что, не стремясь к продвижению в указанном направлении, мы рискуем и не дожидаться этой «своевременности».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Ю.Г. Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. XVIII. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1987. С. 93–110.

Андерсен Х.Х. Пастушка и трубочист // *Андерсен Х.Х.* Сказки и истории. М.: Правда, 1980. С. 233–239.

Блок М. Апология истории или Ремесло историка. Пер. Е.М. Лысенко; примеч. и ст. А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1986. 254 с.

Буганов В.И. О труде С.О. Кристенсена по историографии истории России XVII столетия // *Кристенсен С.О.* История России XVII в. Обзор исследований и источников. М.: Прогресс, 1989. С. 5–23.

Буланин Д. Последнее столетие древнерусской книжности // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1992. С. 3–13.

Вернадский Г.В. Киевская Русь. М.: Ломоносовъ, 2015. 450 с.

Герберштейн С. Московия. Пер. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; коммент. З. Ножиковой. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2008. 703 с.

- Горский А.А. О «феодализме»: «русском» и не только // *Средние века*. 2008. Т. 69. № 4. С. 9–26.
- Данилевский И.Н. Соблазн альтернативы // *Одиссей: Человек в истории*. 2000. М.: Наука, 2000. С. 37–39.
- Державина О.А. Анализ образов повести XVII века о царевиче Димитрии Угличском (Из диссертации «Повесть XVII века о царевиче Димитрии Угличском») // *Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. Т. VII. Кафедра русской литературы*. Вып. 1. М.; Л.: МГПИ, 1946. С. 21–34.
- Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.
- Зимин А.А. Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М.: Мысль, 1972. 452 с.
- Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 400 с.
- Исторический курс «Новая имперская история Северной Евразии» // *Ab Imperio*. 2014. № 1. С. 245–358.
- Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.
- Кареев Н.И. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб.: Типография Шредера, 1910. iv, 145 с.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2 // *Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми т.* М.: Соцэкгиз, 1957. Т. 2. 468 с.
- Кобрин В.Б., Лурье Я.С., Хорошкевич А.Л. Послесловие // *Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в.* М.: Мысль, 1991. С. 212–218.
- Козляков В.Н. Рец. на: А.А. Зимин. Витязь на распутье: феодалная война в России XV в. М. Мысль. 1991. 288 с. // *Вопросы истории*. 1992. № 10. С. 198–199.
- Кристенсен С.О. История России XVII в. Обзор исследований и источников. М.: Прогресс, 1989. 256 с.
- Ленин В.И. Три источника и три составные части марксизма // *Ленин В.И. Полн. собр. соч.* Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1973. С. 43–48.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Брак и власть между Западом и Востоком: матримониаальный портрет Рюриковичей // *Средневековая Европа: Восток и Запад*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 11–121.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Казус с Рогнедой: сватовство Владимира в свете дохристианской правовой традиции Скандинавии // *Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / Отв. ред. Г.В. Глазырина*. М.: Русский Фонд Содействия образованию и Науке, 2013. С. 299–325.

- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Монастырь св. Климента в Киеве и русско-немецкие связи второй половины XI в. // *Траектории традиции. Главы из истории династии и церкви на Руси кон. XI–нач. XIII века*. М.: «Языки славянской культуры», 2010. С. 9–20.
- Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 134 с.
- Лихачев Д.С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси» // *Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)*. Т. XV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 486–495.
- Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. Перевод с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Издательство «Русский остров»; Изд. дом «Владимир Даль», 2004. 618 с.
- Лукин П.В. Средневековая «демократия»: «народные собрания» в Новгороде и Венеции // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2018. № 4(74). С. 23–41.
- Лукин П.В. Средневековый Новгород как европейская городская коммуна? Итальянские параллели // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2016. Т. 7. Вып. 6 (50). URL: <http://history.jes.su/s207987840001576-2-1> (дата обращения – 22 августа 2020 г.).
- Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV–первой половине XV в. М.: Инлайт, 2008. 276 с.
- Мининкова Л.В. Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси. Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ ВШ, 2007. 520 с.
- Назаренко А.В. «Слово на обновление Десятиной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель: Conférence Sainte Trinité du Patriarcat de Moscou ASBL; Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2013. 224 с.
- Назаренко А.В. Русь и Святая Земля в домонгольское время (XI–первая треть XIII вв.) // *Русская Палестина. Россия в Святой Земле*. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2010. С. 157–182.
- Назаров В.Д. Феодалная война в России во 2-й четверти 15 в. // *Советская историческая энциклопедия*. Т. 15. М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 43–46.
- Уваров П.Ю. А.Я. Гуревич и советская медиевистика. Портрет на фоне корпорации // *Российский государственный гуманитарный университет*. 28.02.2007. URL: <http://www2.rsu.ru/article.html?id=55168> (дата обращения – 22 августа 2020 г.).
- Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М.: Наука, 1988. 690 с.
- Перхавко В.Б. Русско-итальянские пересечения и соприкосновения в X–XII века // *Rossica Antiqua*. 2012. № 1. С. 3–32.
- Петрухин В.Я. Древняя Русь. IX – 1263 г. М.: Астрель, 2005. 190[2] с.
- Петрухин В.Я. Феодализм перед судом русской историографии // *Одиссей: человек в истории*. 2006: Феодализм перед судом историков. М.: Наука, 2006. С. 161–170.

Пресняков А.Е. Московское царство // *Пресняков А.Е. Российские самодержцы*. М.: Книга, 1990. С. 323–434.

Пресняков А.Е. Рец. на кн.: Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Часть 1. Юрьев, 1907 // *Журнал министерства юстиции*. 1909. № 2. С. 294–295.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М.: «Языки русской культуры», 1997. 496 с.

ПСРЛ. Т. 3. М.: «Языки русской культуры», 2000. 648 с.

ПСРЛ. Т. 15. СПб.: Типогр. Леонида Демиса, 1863. 504 стб.

Словарь русского языка в 4-х томах. Т. IV. С – Я. М.: Русский язык, 1988. 796 с.

Советская историческая энциклопедия. Т. 14. Танах – Фелео. М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1973. 1040 стб.

Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // *Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России*. М.: Правда, 1989. С. 414–583.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. Р – Я и дополнения. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук, 1912. 974 с.

Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Под ред. К.И. Яблонскиса. Минск: Изд. академии наук БССР, 1960. 254 с.

Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. А.И. Петренко. М.: Издательство «Весь Мир», 2009. 304 с.

Флоря Б.Н. Норвегия и Древняя Русь в эпоху Раннего Средневековья // *Средневековая Русь*. Вып. 12. М.: Индрик, 2012. С. 7–26.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: б.и., 1937. vi, 574 с.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // *Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 192–220.

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.

Черепнин Л.В. Объединение русских земель вокруг Москвы. Образование Русского централизованного государства (XIV–XV вв.) // *Всемирная история в десяти томах*. Том III. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 768–798.

Шмидт С.О. Сочинения Н.П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры // *Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России*. М.: Наука, 1988. С. 587–799.

Штыков Н.В. К истории отношений Твери и Кашина в XIII–XV вв. // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2010. № 1. С. 131–195.

Штыков Н.В. Центры Российской государственности XIII–XV вв. в современной отечественной историографии // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2013. № 15. С. 206–221.

Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1988. 448 с.

Юрганов А.Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // *Отечественная история*. 1996. № 3. С. 93–114.

Янин В.Л. Совесть, благородство и достоинство отличали Лихачева // *Очень УМ – University Magazine*. 2006/2007. № 1. Спец. вып.: к 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 30–35.

Franklin S. *Kievan Rus' (1015–1125) // The Cambridge History of Russia. Vol. I. From Early Rus' to 1689*. Cambridge, New York, etc.: Cambridge University Press, 2006. Pp. 73–97.

Isoaho M.H. Battle for Jerusalem in Kievan Rus': Igor's Campaign and the Battle of Hattin (1187) // *Palaeoslavica*. 2017. Vol. 25. № 2. Pp. 38–62.

Martin J. *Medieval Russia, 980–1584*. Cambridge; New York, etc.: Cambridge University Press, 2007. xxviii, 510 p.

Pollard A.F. Historical Criticism // *History. The Journal of the Historical Association*. 1920. Vol. 5. Issue 17 (April). Pp. 21–29.

Raffensperger C. *Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World*. Cambridge, Mas.; London: Harvard University Studies, 2012. x, 329 p.

Raffensperger C. *Reimagining Rus': The Place of Kievan Rus' in Europe, ca. 800–1146*. Chicago: The University of Chicago, 2006. 651 p.

Raffensperger C. *The Kingdom of Rus' (Past imperfect)*. Amsterdam: Arc Humanities Press, 2017. viii, 92 p.

Voloshchuk M. Ruthenian-Hungarian Matrimonial Connections in the Context of the Rurik Inter-Dynasty Policy of the 10th–14th Centuries: Selected Statistical Data // *Codrul Cosminului*. Vol. XXIV. № 1. Pp. 7–30.

Voloshchuk M. Ruthenian-Polish Matrimonial Relations in the Context of the Inter-Dynastic Policy of the House of Rurik in the 11th–14th Centuries: Selected Statistical Data // *Codrul Cosminului*. Vol. XXV. № 1. Pp. 95–126.

REFERENCES

Alekseyev Yu.G. Dukhovnyye gramoty knyazey Moskovskogo doma XIV v. kak istochnik po istorii udel'noy sistemy [Spiritual certificates of the princes of the Moscow house of the XIV century. as a source on the history of the specific system], in *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny*. Vyp. XVIII. L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1987. Pp. 93–110 (in Russian).

Andersen H.H. Pastushka i trubochist [Shepherdess and chimney sweep], in Andersen H.H. *Skazki i istorii* [Fairy tales and stories]. M.: Pravda, 1980. Pp. 233–239 (in Russian).

- Blok M. *Apologiya istorii ili Remeslo istorika* [Apology of History or the Craft of a Historian]. Per. Ye.M. Lysenko; primech. i st. A.Ya. Gurevicha. M.: Nauka, 1986. 254 p. (in Russian).
- Buganov V.I. O trude S.O. Kristensena po istoriografii istorii Rossii XVII stoletiya [About the work of S.O. Christensen on the historiography of the history of Russia in the 17th century], in Kristensen S.O. *Istoriya Rossii XVII v. Obzor issledovaniy i istochnikov* [History of Russia in the 17th century Review of research and sources]. M.: Progress, 1989. Pp. 5–23 (in Russian).
- Bulanin D. Posledneye stoletie drevnerusskoy knizhnosti [The last century of Old Russian bookishness], in *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of Old Russia]. Is. 3 (XVII v.). Ch. 1. SPb.: Izdatel'stvo "Dmitriy Bulanin", 1992. Pp. 3–13 (in Russian).
- Vernadskiy G.V. *Kiyevskaya Rus'* [Kievan Rus]. M.: Lomonosov, 2015. 450 p. (in Russian).
- Gerbershteyn S. *Moskoviya* [Muscovy]. Per. A.I. Maleina i A.V. Nazarenko; komment. Z. Nozhikovoy. M.: AST: Astrel'; Vladimir: VKT, 2008. 703 p. (in Russian).
- Gorskiy A.A. O "feodalizme": "russkom" i ne tol'ko [On "feudalism": "Russian" and not only], in *Sredniye veka*. 2008. T. 69. № 4. Pp. 9–26 (in Russian).
- Danilevskiy I.N. *Soblazn al'ternativy* [The Temptation of an Alternative], in *Odissey: Chelovek v istorii* [Odysseus: A Man in History]. 2000. M.: Nauka, 2000. Pp. 37–39 (in Russian).
- Derzhavina O.A. Analiz obrazov povesti XVII veka o tsareviche Dimitrii Uglichskom (Iz dissertatsii "Povest' XVII veka o tsareviche Dimitrii Uglichskom") [Analysis of the images of the 17th century tale of Tsarevich Dimitri of Uglich (From the dissertation "The 17th century Tale of Tsarevich Dimitri of Uglich")], in *Uchenyye zapiski Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo instituta im. V.P. Potemkina. T. VII. Kafedra russkoy literatury. Vyp. 1* [Uchenye zapiski of the Moscow City Pedagogical Institute. V.P. Potemkin. T. VII. Department of Russian Literature. Issue 1]. M.; L.: MGPI, 1946. Pp. 21–34 (in Russian).
- Zimin A.A. *Vityaz' na rasput'ye: Feodal'naya voyna v Rossii XV v.* [A Knight at the Crossroads: Feudal War in 15th Century Russia]. M.: Mysl', 1991. 286 p. (in Russian).
- Zimin A.A. *Rossiya na poroge novogo vremeni: Ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI v.* [Russia on the Threshold of a New Time: Essays on the Political History of Russia in the First Third of the 16th Century.]. M.: Mysl', 1972. 452 p. (in Russian).
- Ivanov V.V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. M.: Prosveshcheniye, 1990. 400 p. (in Russian).
- Istoricheskiy kurs "Novaya imperskaya istoriya Severnoy Yevrazii" [Historical course "New imperial history of Northern Eurasia"], in *Ab Imperio*. 2014. № 1. Pp. 245–358.
- Karamzin N.M. *Zapiska o drevney i novoy Rossii v yeye politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh* [A note on ancient and new Russia in its political and civil relations]. M.: Nauka, 1991. 127 p. (in Russian).

Kareyev N.I. *V kakom smysle mozžno govorit' o sushchestvovanii feodalizma v Rossii? Po povodu teorii Pavlova-Sil'vanskogo* [In what sense can we talk about the existence of feudalism in Russia? Concerning the theory of Pavlov-Silvansky]. SPb.: Tipografiya Shredera, 1910. iv, 145 p. (in Russian).

Klyuchevskiy V.O. Kurs russkoy istorii. Ch. 2 [Russian history course. Part 2], in Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya v 8-mi t.* [Works in 8 volumes]. M.: Sotsekgiz, 1957. T. 2. 468 p. (in Russian).

Kobrin V.B., Lur'ye Ya.S., Khoroshkevich A.L. Poslesloviye [Afterword], in Zimin A.A. *Vityaz' na rasput'ye: Feodal'naya voyna v Rossii XV v.* [A Knight at a Crossroads: Feudal War in 15th Century Russia]. M.: Mysl', 1991. Pp. 212–218 (in Russian).

Kozlyakov V.N. Rets. na: A.A. Zimin. *Vityaz' na rasput'ye: feodal'naya voyna v Rossii XV v.* M.: Mysl'. 1991. 288 p. [Review on: A.A. Zimin. *A Knight at the Crossroads: Feudal War in 15th Century Russia M.: Thought. 1991.288 p.*], in *Voprosy istorii*. 1992. № 10. Pp. 198–199 (in Russian).

Kristensen S.O. *Istoriya Rossii XVII v. Obzor issledovaniy i istochnikov* [History of Russia in the 17th century. Review of research and sources]. M.: Progress, 1989. 256 p. (in Russian).

Lenin V.I. Tri istochnika i tri sostavnyye chasti marksizma [Three sources and three components of Marxism], in Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. T. 23. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1973. Pp. 43–48 (in Russian).

Litvina A.F., Uspenskiy F.B. Brak i vlast' mezhdru Zapadom i Vostokom: matrimonial'nyy portret Ryurikovichy [Marriage and power between the West and the East: a matrimonial portrait of the Rurikovichs], in *Srednevekovaya Yevropa: Vostok i Zapad* [Medieval Europe: East and West]. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015. Pp. 11–121 (in Russian).

Litvina A.F., Uspenskiy F.B. Kazus s Rognedoy: svatovstvo Vladimira v svete dokhristianskoy pravovoy traditsii Skandinavii [Casus with Rogneda: Vladimir's matchmaking in the light of the pre-Christian legal tradition of Scandinavia], in *Drevneyshiy gosudarstva Vostochnoy Yevropy. 2011 god: Ustnaya traditsiya v pis'mennom tekste* [The most ancient states of Eastern Europe. 2011: Oral Tradition in Written Text] / Otv. red. G.V. Glazyrina. M.: Russkiy Fond Sodeystviya obrazovaniyu i Nauke, 2013. Pp. 299–325 (in Russian).

Litvina A.F., Uspenskiy F.B. Monastyr' sv. Klimenta v Kiyeye i russko-nemetsike svyazi vtoroy poloviny XI v. [Monastery of St. Clement in Kiev and Russian-German communications of the second half of the 11th century], in *Trayektorii traditsii. Glavy iz istorii dinastii i tserkvi na Rusi kon. XI–nach. XIII veka* [Trajectories of tradition. Chapters from the history of the dynasty and church in Russia con. XI–early. XIII century]. M.: "Yazyki slavyanskoy kul'tury", 2010. Pp. 9–20 (in Russian).

Likhachev D.S. *Chelovek v literature Drevney Rusi* [Man in the literature of Ancient Rus]. M.: Nauka, 1970. 134 p. (in Russian).

Likhachev D.S. Boris Aleksandrovich Romanov i yego kniga "Lyudi i nrvy drevney Rusi" [Boris Alexandrovich Romanov and his book "People and customs of ancient Russia"], in *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. AN SSSR. In-t russkoy literatury (Pushkinskiy Dom)*

[Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian Literature (Pushkin House)]. T. XV. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1958. Pp. 486–495 (in Russian).

Louental' D. *Proshloye – chuzhaya strana* [The past is a foreign country]. Perevod s angl. A.V. Govorunova. SPb.: Izdatel'stvo "Russkiy ostrov"; Izd. dom "Vladimir Dal'", 2004. 618 p. (in Russian).

Lukin P.V. Srednevekovaya "demokratiya": "narodnyye sobraniya" v Novgorode i Venetsii [Medieval "democracy": "popular assemblies" in Novgorod and Venice], in *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki*. 2018. № 4(74). Pp. 23–41 (in Russian).

Lukin P.V. Srednevekovyy Novgorod kak yevropeyskaya gorodskaya kommuna? Ital'yanskiye paralleli [Medieval Novgorod as a European City Commune? Italian Parallels], in *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 2016. T. 7. Vyp. 6(50). Available at: <http://history.jes.su/s207987840001576-2-1> (accessed 22 August 2020).

Mazurov A.B., Nikandrov A.Yu. *Russkiy udel epokhi sozdaniya yedinogo gosudarstva: Serpukhovskoye knyazheniye v seredine XIV–pervoy polovine XV v.* [The Russian destiny of the era of the creation of a single state: the Serpukhov reign in the middle of the fourteenth and the first half of the fifteenth century]. M.: Inlayt, 2008. 276 p. (in Russian).

Mininkova L.V. *Syuzerenitet-vassalitet v domongol'skoy Rusi* [Suzerainty-vassalage in pre-Mongol Rus]. Rostov-na-Donu: Izd. SKNTS VSH, 2007. 520 p. (in Russian).

Nazarenko A.V. *"Slovo na obnovleniye Desyatinnoy tserkvi", ili k istorii pochitaniya svyatitelya Klimenta Rimskogo v Drevney Rusi* ["Word on the Renewal of the Church of the Tithes", or to the history of the veneration of St. Clement of Rome in Ancient Russia]. M.; Bryussel': Conférence Sainte Trinité du Patriarcat de Moscou ASBL; Svyato-Yekaterininskiy muzhskoy monastyr', 2013. 224 p. (in Russian).

Nazarenko A.V. Rus' i Svyataya Zemlya v domongol'skoye vremya (XI–pervaya tret' XIII vv.) [Russia and the Holy Land in pre-Mongol times (XI–first third of the XIII centuries)], in *Russkaya Palestina. Rossiya v Svyatoy Zemle* [Russian Palestine. Russia in the Holy Land]. SPb.: Izd. dom SPbGU, 2010. Pp. 157–182 (in Russian).

Nazarov V.D. Feodal'naya voyna v Rossii vo 2-y chetverti 15 v. [Feudal war in Russia in the second quarter of the 15th century], in *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. T. 15. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1974. Pp. 43–46 (in Russian).

Uvarov P.Yu. A.Ya. Gurevich i sovetskaya medievistika. Portret na fone korporatsii [A.Ya. Gurevich and Soviet medieval studies. Portrait against the background of the corporation], in *Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet* [Russian State University for the Humanities]. 28.02.2007. Available at: <http://www2.rsu.ru/article.html?id=55168> (accessed 22 August 2020).

Pavlov-Sil'vanskiy N.P. *Feodalizm v Rossii* [Feudalism in Russia]. M.: Nauka, 1988. 690 p. (in Russian).

Perkhavko V.B. Russko-ital'yanskiye peresecheniya i soprikosnoveniya v X–XII veka [Russian-Italian intersections and contacts in the X–XII centuries], in *Rossica Antiqua*. 2012. № 1. Pp. 3–32 (in Russian).

Petrukhin V.Ya. *Drevnyaya Rus': IX–1263 g.* [Ancient Russia. IX – 1263]. M.: Astrel', 2005. 190[2] p. (in Russian).

Petrukhin V.Ya. Feodalizm pered sudom russkoy istoriografii [Feudalism before the court of Russian historiography], in *Odissey: chelovek v istorii. 2006: Feodalizm pered sudom istorikov* [Odysseus: a man in history. 2006: Feudalism before the Court of Historians]. M.: Nauka, 2006. Pp. 161–170 (in Russian).

Presnyakov A.Ye. Moskovskoye tsarstvo [Moscow kingdom], in Presnyakov A.Ye. *Rossiyskiye samoderzhtsy* [Russian autocrats]. M.: Kniga, 1990. Pp. 323–434 (in Russian).

Presnyakov A.Ye. Rets. na kn.: Filippov A.N. Uchebnik istorii russkogo prava. Chast' 1. Yur'yev, 1907 [Review on the book: Filippov A.N. Textbook of the history of Russian law. Part 1. Yuriev, 1907], in *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 1909. № 2. Pp. 294–295 (in Russian).

Polnoye sobraniye russkikh letopisey (PSRL) [Complete collection of Russian chronicles (PSRL)]. T. 1. M.: "Yazyki russkoy kul'tury", 1997. 496 p. (in Russian).

PSRL. T. 3. M.: "Yazyki russkoy kul'tury", 2000. 648 p. (in Russian).

PSRL. T. 15. SPb.: Tipogr. Leonida Demisa, 1863. 504 stb. (in Russian).

Slovar' russkogo yazyka v 4-kh tomakh. T. IV. S – Ya [Dictionary of the Russian language in 4 volumes. T. IV. S – Ya]. M.: Russkiy yazyk, 1988. 796 p. (in Russian).

Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. T. 14. Tanakh – Feleo [Soviet Historical Encyclopedia. T. 14. Tanakh – Feleo]. M.: Izd. "Sovetskaya entsiklopediya", 1973. 1040 stb. (in Russian).

Solov'yev S.M. Publichnyye chteniya o Petre Velikom [Public readings about Peter the Great], in Solov'yev S.M. *Chteniya i rasskazy po istorii Rossii* [Readings and stories on the history of Russia]. M.: Pravda, 1989. Pp. 414–583 (in Russian).

Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. T. 3. R – Ya i dopolneniya* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. T. 3. R – I and additions]. SPb.: Tipogr. Imperatorskoy Akademii nauk, 1912. 974 p. (in Russian).

Statut Velikogo knyazhestva Litovskogo 1529 goda [Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1529]. Pod red. K.I. Yablonskisa. Minsk: Izd. akademii nauk BSSR, 1960. 254 p. (in Russian).

Terner F.Dzh. *Frontir v amerikanskoy istorii* [Frontier in American History]. Per. s angl. A.I. Petrenko. M.: Izdatel'stvo "Ves' Mir", 2009. 304 p. (in Russian).

Florya B.N. Norvegiya i Drevnyaya Rus' v epokhu Rannego Srednevekov'ya [Norway and Ancient Russia in the Early Middle Ages], in *Srednevekovaya Rus'. Vyp. 12*. M.: Indrik, 2012. Pp. 7–26 (in Russian).

Florovskiy G. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Parizh: b.i., 1937. vi, 574 p. (in Russian).

Khaydegger M. Pis'mo o gumanizme [Letter about humanism], in Khaydegger M. *Vremya i bytiye: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. M.: Respublika, 1993. Pp. 192–220 (in Russian).

Cherepnin L.V. *Obrazovaniye Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rusi* [Formation of the Russian centralized state in the XIV–XV centuries. Essays on the socio-economic and political history of Russia]. M.: Sotsekgiz, 1960. 899 p. (in Russian).

Cherepnin L.V. Ob'yedineniye russkikh zemel' vokrug Moskvyy. *Obrazovaniye Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva (XIV–XV vv.)* [Unification of Russian lands around Moscow. Formation of the Russian centralized state (XIV–XV centuries)], in *Vsemirnaya istoriya v desyati tomakh* [World history in ten volumes]. Vol. III. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1957. Pp. 768–798 (in Russian).

Shmidt S.O. Sochineniya N.P. Pavlova-Sil'vanskogo kak pamyatnik istorii i kul'tury [Works by N.P. Pavlova-Silvansky as a monument of history and culture], in Pavlov-Sil'vanskiy N.P. *Feodalizm v Rossii* [Feudalism in Russia]. M.: Nauka, 1988. Pp. 587–799 (in Russian).

Shtykov N.V. K istorii otnosheniy Tveri i Kashina v XIII–XV vv. [On the history of relations between Tver and Kashin in the XIII–XV centuries], in *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2010. № 1. Pp. 131–195 (in Russian).

Shtykov N.V. Tsentry Rossiyskoy gosudarstvennosti XIII–XV vv. v sovremennoy otechestvennoy istoriografii [Centers of the Russian statehood of the XIII–XV centuries. in modern Russian historiography], in *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2013. № 15. Pp. 206–221 (in Russian).

Yurganov A.L. *Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury* [Categories of Russian medieval culture]. M.: MIROS, 1988. 448 p. (in Russian).

Yurganov A.L. Udel'no-votchinnaya sistema i traditsiya nasledovaniya vlasti i sobstvennosti v srednevekovoy Rossii [Specific patrimonial system and tradition of inheritance of power and property in medieval Russia], in *Otechestvennaya istoriya*. 1996. № 3. Pp. 93–114 (in Russian).

Yanin V.L. Sovest', blagorodstvo i dostoinstvo otlichali Likhacheva [Conscience, nobility and dignity distinguished Likhachev], in *Ochen' UM – University Magazine*. 2006/2007. № 1. Spets. vyp.: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya D.S. Likhacheva. Pp. 30–35 (in Russian).

Franklin S. *Kievan Rus' (1015–1125)*, in *The Cambridge History of Russia. Vol. I. From Early Rus' to 1689*. Cambridge, New York, etc.: Cambridge University Press, 2006. Pp. 73–97.

Isoaho M.H. Battle for Jerusalem in Kievan Rus': Igor's Campaign and the Battle of Hattin (1187), in *Palaeoslavica*. 2017. Vol. 25. № 2. Pp. 38–62.

Martin J. *Medieval Russia, 980–1584*. Cambridge; New York, etc.: Cambridge University Press, 2007. xxviii, 510 p.

Pollard A.F. Historical Criticism, in *History. The Journal of the Historical Association*. 1920. Vol. 5. Issue 17 (April). Pp. 21–29.

Raffensperger C. *Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World*. Cambridge, Mas.; London: Harvard University Studies, 2012. x, 329 p.

Raffensperger C. *Reimagining Rus': The Place of Kievan Rus' in Europe, ca. 800–1146*. Chicago: The University of Chicago, 2006. 651 p.

Raffensperger C. *The Kingdom of Rus' (Past imperfect)*. Amsterdam: Arc Humanities Press, 2017. viii, 92 p.

Voloshcuk M. Ruthenian-Hungarian Matrimonial Connections in the Context of the Rurik Inter-Dynasty Policy of the 10th–14th Centuries: Selected Statistical Data, in *Codrul Cosminului*. Vol. XXIV. № 1. Pp. 7–30.

Voloshcuk M. Ruthenian-Polish Matrimonial Relations in the Context of the Inter-Dynastic Policy of the House of Rurik in the 11th–14th Centuries: Selected Statistical Data, in *Codrul Cosminului*. Vol. XXV. № 1. Pp. 95–126.